НОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Информационно - дискуссионный бюллетень
№ 13 Октябрь 2003 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы возобновляем выпуск бюллетеня «Новое рабочее движение». Больше года бюллетень не выходил, потому что нам не о чем или почти не о чем было ссобщать. Но затишье оказалось не вечно, и люди продолжают бороться. Надеемся, что нам не прийдется опять замолкать на такое длительное время, что нам будет о чем говорить. В очередной раз напоминаем нашим читателям, что мы не можем обойтись без обратной связи, что мы нуждаемся в информации с мест. Заодно благодарим тех, кто эту связь с нами поддерживает.

БУДНИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Не так давно по телевидению Пензы прошла реклама завода ЗИФ, точнее реклама работы на этом самом заводе. Говорили о хороших условиях работы, хорошей зарплате и т.д, словом все, что обычно говорят в таких случаях. Ну а что же в самом деле творится на этом самом ЗИФе?

ЗИФ, Завод имени Фрунзе раньше был оборонным предприятием. Сейчас он выпускает в основном ширпотреб (например, велосипеды с надписью made in India (сделано в Индии). Из нескольких десятков рабочих сейчас на заводе осталось около четырех тысяч. В свое время на заводе сократили даже военно-учетный стол. Вроде бы в такой ситуации рабочих на завод зазывать не надо – их и так должно хватать с избытком. Видно что-то тут не так!

Вообще как единое целое завод уже не существует. Еще с начала 90-х годов его разделили на части, на мелкие предприятия, многие из которых, кстати говоря, существуют только на бумаге. Кстати о бумаге. Директор одного из таких фиктивных предприятий «ЗИФ плюс”» (интересное вообще-то дело, предприятия нет, а директор есть) прославился тем, что бегал по заводу и приставал к рабочим с одним и тем же вопросом: «Что несешь? А бумага есть?» Кто-то даже сочинил анекдот, про то, как этот самый директор караулит рабочих у туалета и выясняет, есть ли у них бумага.

При этом хозяин у завода постоянно меняется, ЗИФ то и дело перекупается. Последний раз его перекупил какой-то буржуй из Тольятти. Хотя говорят, что вроде бы, и он уже продал его каким-то москвичам. Последний хозяин почему-то не любит «коммунистов» и потому хорошо почистил директорат (раньше большинство директоров были из бывших аппаратчиков). Но это уже проблемы начальства, а как обстоят дела у рабочих?

На бумаге средняя зарплата рабочего на ЗИФе около двух с половиной тысяч рублей. Но это опять-таки на бумаге. На деле зарплату, конечно же, начисляют. И даже, случается, выдают. Правда, последнее время ее почему-то выдавали в банке, куда рабочим приходилось идти с завода в обеденный перерыв. Но это еще – полбеды. Беда в том, что выдают зарплату не всегда и не полностью. Из своих двух с половиной тысяч рабочий может получить полторы, остальные тысячу рублей хозяева остаются ему должны и обещают выплатить позже. Говорят, обещанного три года ждут. Ждать выплаты долгов иной раз приходится и дольше. Кое-кому еще не выплатили все долги за 1997 год. Ну и понятное дело, что если рабочий увольняется, то про долги ему начальство просто забывает.

Надо сказать, что эта забывчивость не помогает ликвидировать «текучку». Конечно, те, кто проработал на заводе не один год или даже не один десяток лет, уходить с завода не хочет, но он бы и так не хотел. А вот молодежь, поработав пару месяцев, обычно решает, что лучше потерять «долг» за месяц-другой, чем годами работать за половинную зарплату, и уходит. А что делать тем, кто работает давно и уходить не собирается? Остается одно – выбивать зарплату с помощью старого проверенного способа – забастовки. В последнее время забастовки на ЗИФе происходят то и дело. То бастуют в одном цеху, то в другом. В прошлом году была даже всеобщая забастовка. Начальство попыталась, было, бороться с рабочими, выгоняя активистов (увольняли даже за опоздание на две минуты). Тогда рабочие начали во время забастовки общаться с начальством не иначе как всем цехом. Никаких делегатов к начальнику бастующие рабочие не посылают, да и вообще, к начальству не идут – узнав об остановке работы, начальство прибегает само. На все его вопросы и уговоры ответ один: "Зарплату дадите – будем работать». И дают. Потому что весь цех они все равно не выгонят, а если выгонят, то им же хуже – кто на них будет работать?

Между прочим, никто рабочих этому специально не учил. Жизнь, как говорится, научила. И вообще никакого влияния, а равно и никакой помощи «со стороны» не было. Профсоюз на заводе, правда, существует (Соцпроф), но он – что есть, что нет. Вообще, местный Соцпроф скорей мешает, чем помогает. Вот, например, в Никольском (райцентр в Пензенской области) рабочие стекольного завода собираясь бастовать, обратились за помощью к местным соцпрофовским боссам. Те стали рабочих отговаривать, мол, нельзя бастовать против "своего" директора (т.е. члена КПРФ), да еще перед выборами. Так что рабочим приходится надеяться только на самих себя. Что, как мы видим, и правильно. Во всяком случае, чего-то рабочим добиться удается. И это, кстати говоря, урок всем – только самостоятельно и только все вместе рабочие могут отстоять свои интересы.

Соб инф.

БАТРАКИ НА ДОНУ

Южные районы Ростовской области известны своими бахчами и огородами – настоящие плантации лука, арбузов и дынь. Эти обширные земли, некогда колхозные, сейчас раскупили в свое пользование фермеры, многие из которых сделали на торговле овощами и бахчевыми солидные деньги. Но чтобы обрабатывать многогектарные угодья, нужно немало рабочих рук - а тяжелым физическим трудом без хорошей зарплаты никто заниматься не будет. Даже тремястами рублями в день далеко не каждого заманишь копошиться полсуток в горячей земле под палящим солнцем. Да и нанимать сельхозрабочих для фермера значит ввергнуть себя в значительные финансовые затраты. Но предприимчивые фермеры все же нашли выход из этой ситуации.

Гораздо выгоднее, чем нанимать сельских жителей на бахчи иогороды, оказалосьиспользовать практически даровой труд «бичей» – людей без прописки или места жительства и потому лишенных многих прав. Таких людей и в самом Ростове и в окрестных населенных пунктах очень много, поэтому особого труда для плантаторов поиск батраков не составляет. С началом сезона полевых работ фермеры или их посредники начинают ошиваться на вокзалах и рынках в поисках согласных за обед и кров над головой вкалывать на плантациях. Желающих не так мало – лишенные дома и постоянного заработкалюди готовы на любую работу, лишь бы получить хоть на время кров и пропитание. А даже если желающих мало – всегда есть запасной вариант. Имея негласную договоренность с «доблестной» ростовской милицией, фермеры периодически наведываются в спецприемник для лиц, административно задержанных (Ростов-на-Дону, просп. Семашко, 1/1) зе «живым товаром» – за каждого «лица без определенного места жительства», продаваемого из спецприемника на бахчу, менты берут примерно 150-200 рублей. Таким образом, и фермеры практически задаром (две штуки за десяток батраков для них не деньги) получают себе рабочую силу, и менты «зарабатывают» себе на пиво. Трудящиеся на бахчах и огородах батраки – люди разных судеб, разных возрастов и национальностей. «Бичи», отправившиеся странствовать по миру в поисках рубля, кочуя из города в город, из станицы в станицу, перебиваясь случайными заработками. У многих из них нет паспорта или прописки, большинство ранее судимы, а некоторые – в бегах от властей. «Бомжи», люди без определенного места жительства, лишившиеся жилья и радующиеся любому крову над головой. Просто городские маргиналы, не имеющие постоянного места работы и потомунанявшиеся на бахчи, но таких – меньшинство.»Бичи» и «бомжи» – среди батраков основная, но не единственная часть. Ежегодно весной, в конце марта – середине апреля на специальных автобусах приезжают на бахчи работники с Кавказа, прежде всего чеченцы и дагестанцы. На подготовительные работы сначала привозят женщин, им на смену с началом уборки урожая приезжают мужчины, которым перед отъездом в октябре и выдают деньги за весь год полевых работ.

Работа на бахчах – это настоящий ад. Ннчинаясь с рассветом, рабочий день заканчивается только к восьми часам вечера. То есть четырнадцать часов с небольшим перерывом на обед батраки вкалывают на земле, не останавливаясь даже на маленькую передышку. Любой «перекур» – и хозяин или его помошник сразу же заорет матом. Да и избиения «нерадивых» работников скорее норма, чем редкость. При этом нет никаких выходных и весь период полевых работ батраки на ногах. Стоит ли говорить, что никаких нормальных условий для жизни на бахчах нет. Батраков селят чаще всего в «балаганах» – натянутых на деревянный каркас больших палатках из непромокаемой бумаги. Если летом жить в таких балаганах еще можно, то ранней весной или поздней осенью условия жизни в бумажных палатках невыносимые – а ведь полевые работы начинаются в марте-апреле., когда только сходит снег, и заканчиваются в октябре-ноябре, так что спать в палатках в весенние и осенние месяцы приходится в одежде, закутавшись с головы до ног во все, что можно.

С заходом солнца весь полевой лагерь погружается в темноту – электричества нет, а свечками и керосинками пользоваться запрещено (хозяева боятся погореть). Остающиеся перед сном часы свободного времени уходят на разговоры за бутылкой самогона, если удается где-то ее достать. Кормят батраков раз в день, обычно похлебкой или кашей, иногда в порыве особой «щедрости» хозяин может привести из села самогона или спирта. Обещанные деньги батракам отдают только в самом конце полевых работ. Причем гораздо меньше, чем обещали сначала (а обещают тоже немного – обычный тариф зарплаты батрака - 10 рублей за час работы, т.е. около 120 рублей в день). А могут, и это где-то в половине случаев, и вообще ничего не заплатить – мол «ты тут ел, пил, спал, вот и отрабатывал свой прокорм, а теперь убирайся». Если хозяин ничего не заплатит, батрак уходит ни с чем. Жаловаться все равно некуда, да и куда пойдет беспаспортный «бич»? Единственное, чем отваживаются отомстить хозяину, да и то самые «крутые» батраки – это возьмут и уходя, подпалят участок бахчи или балаган, где хранятся тяпки и лопаты. Но даже такая месть встречается очень и очень редко. Обычно батрак просто уходит, матеря про себя жадного хозяина.

Экономя на дармовой рабочей сили и одновременно выжимая из нее все соки, владельцы бахчей и огородов сколачивают на своем сельскохозяйственном бизнесе неплохие состояния. За один полевой сезон (т.е. с апреля по сентябрь-октябрь) средний фермер зарабатывает не меньше пяти-десяти тысяч долларов США, а многие и значительно больше (проезжая мимо полей, часто видишь припаркованные у балаганов дорогие иномарки). Но даже при таких значительных доходах плантаторы жмотятся заплатить батраку несчастные несколько тысяч рублей за месяцы каторжной работы. Ведь их собственный доход во многом зависит от того, как дешево обойдутся им услуги сельхозрабочих.

Перепечатано из газеты ростовских анархистов «Протест»

ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА В ПЕНЗЕ

Что творится вшколах интересно по двум причинам. Во-первых, в школах тоже есть и свои работники, проблемы которых во многом схожи с проблемами других трудящихся, и свое начальство, которое эти самые проблемы, может быть, и создает или ими пользуется. Во-вторых, школа – это не просто какое-то обычное учреждение или производство, в школе не не только учится, но и воспитывается новое поколение, от которого через несколько лет, может быть, будет зависить, что тогда будет твориться в российских городах и селениях. Поэтому мы решили рассказать, о том, что нам довелось услышать от человека работавшего (и может быть и сейчас работающего) учителем в одной из пензенских школ.

Итак, как уже сказано, в школе есть и свое начальство, и свои наемные работники – простые учителя. Различие между ними бросается в глаза сразу: «молодой» (т.е. работающий первый год) учитель, даже работая на полторы ставки не заработает больше 1200 руб. Учитель с многолетним стажем, набравший максимальное количество «часов», может заработать не больше 2,5-3 тыс. руб. При этом зарплата директора или завуча – 8-10 тыс. руб. Как говорится: «Почувствуйте разницу!» Но дело, конечно, не только в зарплате. Учитель полностью подчинен начальству. Он должен говорить то, что велит начальство, иначе просто рискует вылететь с работы (что, конечно, сказывается на «кадровом составе» учителей). Конечно, тут многое зависит от того, что он преподает, и все-таки... Элементы старого «совкового» быта соседствуют в пензенских школах с «передовыми достижениями» капитализма. Так в школе « 58. г-жа Пьянова снимала работу учителей на видеокамеру – с целью лучшего контроля (впервые такой прием применили японские хозяева компаний в отношении своих работников). Одновременно В школах существует «распорядиловка» кому идти на... демонстрацию КПРФ 7 ноября (в Пензе КПРФ - правящая пртия). Учительница школы № 8 Горячева заставляла учеников выступать на сьезде КПРФ в пионерских галстуках.

Положение дел в сельских школах проверяет районная администрация. Говорят, что через три года такой работы чиновник отстраивает себе коттедж.

Одно радует, обстановка в школах не слишком нравится ученикам. Они не слишком доверяют рассказам учителей, о хорошей КПРФ и предпочитают думать своей головой.

Соб. инф.

НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

АЗОВ: *БОРББА ЗА ПРАВО ЖИТЬ*

Азовский метаноловый терминал (попросту говоря, хранилиище метилового спирта) строится итальянской фирмой «Трибольди» и Российским «Хлебопродуктом», входящим в потанинский «Интеррос». Для тех, кто не знает, можно пояснить, что метиловый спирт – страшнейший яд. В Италии Санитарная зона вокруг такого хранилища должна быть не меньше семи километров. В России – километр. На деле же терминал строят в двух сотнях метров от жилого района, а труубопровод и вовсе должен пройти меньше чем в сотне метров от огородов.

Надо сказать, что Молокановка, рядом с которой строят терминал, это не просто район Азова, это район состоящий из одноэтажных домов с садами и огородами. Огороды и сады на юге России и в «советское» время были для людей важным подспорьем, а уж сейчас, когда даже в средней полосе половина людей живет с огородов, об этом и говорить нечего. Между тем, достаточно небольшой аварии, чтобы все огороды Молокановки отравить напрочь (для сведения, от четырех грамм метилового спирта человек слепнет, от пятнадцати умирает на месте). За границу же вывозить метанол предполагается по Азовскому морю. Учитывая, что море это мелкое и изолированное, авария танкера означает полное отравление и всего моря, и побережья вместе с теми же садами-огородами.

Немудрено, что жители Азова выступили против такого «подарка». Был образован оргкомитет, в работе которого приняли участие жители Молокановки, а также редактор азовской газеты «Читай-Теленеделя» Ю.Голубев. Говорят, что у Голубева свои интересы – он рассчитывает принять участие в выборах, и кампания против терминала может стать для него хорошей «раскруткой». Через ростовских активистов (Азов находится в пятнадцати километрах от Ростова-на Дону) азовчане вышли на экологическое движение «Хранители Радуги» и анархическое «Автономное действие».

Первые митинги протеста в Азове начались еще в июне. Кстати, тогда в Азове еще почти не было «зеленых» (так здесь называют экологистов и автономов). Было только два активиста из Москвы и Екатиренбурга, да еще наведывались члены Автономного действия из Ростова. Если учесть, что Ростова эта проблема тоже касается, то выходит, что начали борьбу прежде всего местные жители.

Борьба шла по нарастающей. Сначала дело ограничивалось разовыми митингами, собиравшими по пять-десять тысяч человек (для сведения, все население Азова – около восьмидесяти тысяч человек) и мешавшими строительству. С начала июля азовчане перешли к ежедневной блокаде – от двадцати до двухсот человек с восьми утра до пяти вечера перекрывали дорогу, ведущую к стройплощадке. По рассказам участников, некоторые водители (а в особенности терминальское начальство) пытались наехать на людей (в самом прямом смысле этого слова), однако прорвать блокаду им так и не удалось. К середине июля в Азов съехалось уже довольно много «зеленых». К этому времени возле терминала был разбит палаточный лагерь протеста. 17 июля «зеленые» в знак протеста расписали здание азовской администрации, а 26 июля и 9 августа азовчанами и «зелеными» на некотрое время была перекрыта трасса Ростов-Краснодар.

Борьба часто выходила за рамки чисто экологической. Митингующие требовали не только закрыть или перерпрофилировать терминал, но и отремонтировать дороги, угрожали в случае отказа выполнить их требования начать бойкот выборов и т.д. На одном из мининтов были сожжены чучела местных чиновников. Дело нередко доходило до прямых стычек народа с ментами. Случалось, что азовчанам приходилось отбивать у ментов кого-нибудь из «зеленых», а когда менты схватили было тех, кто расписывал администрацию, народ буквально осадил здание администрации, в ментов полетели яйца, и стражи порядка, опасаясь, как бы дело не дошло до камней или даже до штурма, отпустили «зеленых» подобру-поздорову.

Только к середине августа властям удалось переломить ход событий в свою пользу. Несколько «зеленых» было арестовано, кто – ментами, кто – охраной терминала (при этом одному из «зеленых» терминальскиеи охранникми сломали ребра), и посажены под административный арест (попросту говоря, на «сутки»). Когда они вышли, не было уже ни лагеря, ни блокады. Лагерь, правда, не совсем исчез – одна из жительниц Молокановки предоставила «зеленым» свой двор, где они поставили свои палатки.

Репрессии властей нисколько не испугали «зеленых», но вот на азовчан они подействовали угнетающе. К тому же люди начали уставать. Все чаще «зеленых» спрашивали, когда же будет результат, и удавалось ли им раньше, чего-нибудь добиваться (при

этом как-то забывалось, что добиваться должны не «зеленые» а местные жители, «зеленые» лишь помогают им). Однако и власти, видимо, устав, пошли на некоторые уступки. Было принято решение о приостановке строительства до решения согласительной комиссии. Но комиссия создавалась целиком по указке властей, в нее не входил никто из протестующих, поэтому она не могла быть независимой. Да и работы, не приостановились, а только должны были вот-вот приостановиться Как бы то ни было, но накал борьбы начал спадать. Правда, активисты обсуждали возможность перекрытия ул. Кирова, по которой шли к терминалу грузовики (кстати сказать, движение грузовиков по этой улице официально запрещено), но это все были дальние планы. А пока на 25 августа была запланирована вполне мирная, хоть и заметная акция – возложение к зданию ростовской горадминистрации траурного венка под звуки похоронного марша. Акция называлась «похороны Азова», о ней были оповещены все ростовские СМИ.

Почему-то планы азовчан подействовали на губернатора Чуба как тряпка на быка. Утром 25 августа на трассе Ростов-Азов началась самая настоящая «зачистка» – любой, кто был хоть чем-то похож на «зеленого» или вез с собой цветы, тут же снимался с маршрутки, а часто и арестовывался (например, были арестованы четверо пенсионеров за то, что ехали с цветами). «Зачищалась» и местная электричка. По всему Азову разъезжали ментовские патрули в поисках «зеленых», а в Ростове хватали тех, кто оказывался вблизи пересечения Большой Садовой и Ворошиловского проспекта (на пересечении этих улиц находится здание ростовской горадминистрации). Оказавшиеся в ментовке с удивлением видели сложенные щиты, каски и дубинки (менты готовились к серьезному бою), а начальник орал на своих подчиненных: «Да оформляй ты их скорей! Сейчас тут еще двадцать человек будет!» Сверху пришло указание всех задержанных обвинить в неповиновении, и менты усердно писали протоколы о том, что такой-то или такая-то «в ответ на требование предъявить документы отвечал (или отвечала) нецензурно и хватал (или хватала) за форменную одежду).

Потом говорили, что менты просто испугались краснодарских взрывов, но это не так. Вот факт: во время оформления задержанных один из ментов рассказывал своим коллегам про взрывы, и те были удивлены, они еще ничего об этом не знали. Значит дело было не во взрывах, а в том, что власти просто не умеют общаться с народом иначе как с помощью дубинок и решеток.

В итоге однако власти получили результат прямо противоположный тому, который они хотели. Во-первых, акцию сорвать так и не удалось. Несколько азовчанок сумели-таки добраться до Ростова и хоть один-единственный букет, но довезли. Этот букет они под прикрытием журналистов торжественно возложили к зданию администрации. Собравшаяся толпа ментов, как не злилась, но разгонять женщин в присутствии прессы не решилась. Правда, марш Шопена сыграть не удалось – магнитофон остался в руках у ментов. Во-вторых, благодаря сочувствию простых граждан Азова, информация о планах властей просочилась к «зеленым», и многие из них добрались до Ростова заранее. Большинство их было арестовано уже в Ростове, но несколько человек остались на воле и с помощью сочувствующих ростовчан подняли в шум в прессе. Тем более, что для журналистов перекрытие ментами трассы и массовые аресты были даже интереснее траурных цветов у администрации. В третьих, азовчане, уже было поверившие в то, что с властью можно договориться по-хорошему, убедились, что это не так. Поняв, что спороли глупость, власти слегка сбавили обороты. Большая часть арестованных была отпущена.

С началом осени «зеленые» постепенно начали разъезжаться. Они в большинстве своем не профессиональные борцы за экологию, у них свои дела, своя работа или учеба. Между тем выступления азовчан приобретают все более мирный и законопослушный характер. 4 сентября на легальном митинге была принята резолюция, заканчивающаяся словами: «Организаторы митинга, как всегда, призывают граждан и правоохранителей к толерантности, терпимости, взаимоуважению друг к другу. Мы дети одного города и обязаны жить в мире! Просим всех граждан обнаруженных провокаторов беспорядков передавать в руки сотрудников правоохранительных органов. Мы не заинтересованы в дестабилизации. Организаторы митинга, видя высочайшую социальную активность граждан, констатируют факт, что подавляющее большинство азовчан, принявших участие в демонстрации и митинге высказали намерение в случае непринятия властью экстренных и конкретных мер по выполнению требований горожан, бойкотировать выборы в Государственную Думу РФ и выборы Президента РФ или поддерживать любые оппозиционные, порой радикальные партии, готовые заняться решением заявленных требований.» Можно подумать, что «оппозиционные партии» могут реально дать людям что-то кроме обещаний. Чем они лучше того же Чуба? И о какой толерантности с «правоохранителями» можно говорить, если в той же резолюции сказано: «Правоохранители, за руки, за ноги, вытаскивали пенсионерок из автобусов и маршруток, практически залезали, чтобы обнаружить цветы, пожилым женщинам под подол»? «В случае нерешения резолюции митинга, азовчане оставляют за собой право действовать всеми законными способами в защиту своих конституционных прав и свобод и провести 18 сентября новую акцию протеста», – говорилось в той же резолюции. Иными словами все сводится к «толерантным» митингам и жалобоам в адрес властей. Тем временем власти, на словах проявляют с народом полную солидарность, а на деле терминал как строился, так и строится. Если что не так, вы жалуйтесь, люди добрые, жалуйтесь, а мы пока будем делать то, что делаем. Между прочим, именно так говорили ростовские менты, арестовывая людей с нарушениями всевозможных законов и стряпая «липовые» обвинения.

В середине сентября последние «зеленые», покинули Азов и уехали на Тамань, где происходит другая экологическая акция. При этом они заявили о формальной победе – оказывается, еще 26 июня было принято решение о запрещении строительства терминала, теперь оно было обнародовано. Но фактически, строительство не было прекращено. Решение так и осталось на бумаге.

Что же будет дальше? Одно из двух. Либо большинство азовчан устанет, разочаруется, испугается и махнет на все рукой. Борьба перейдет в легальное русло, то есть сведется к писанию бессмысленных жалоб властям или к предвыборной кампании того же Голубева. Ничего хорошего из этого не выйдет, потому как у начальства свои интересы, а у простого народа свои. Либо азовчане, поняв, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, будут продолжать борьбу, причем борьбу активную, будут, как и раньше, блокировать строящийся терминал, срывать стройку и не дадут возможности отстроить его до весны. А летом вернутся «зеленые». И тогда власти и буржуи поймут, что им дешевле отказаться от терминала и перепрофилировать то, что они уже построили на хранение зерна. А такой «запасной вариант» у властей есть, они это сами признавали.

Кстати у азовчан есть способы давить не только на хозяев терминала, но и на власть. Тот же, бойкот выборов. Или кампания в областной прессе. Похоже, что Чуб больше всего на свете боится лишней огласки.

Словом, все зависит от самих азовчан. Смогут ли они довести борьбу до конца, покажет будущее.

В.В.П., член МПСТ

ПЕРЕКРЫТИЯ УЛИЦ В СТАВРОПОЛЕ

Утром 14 августа пенсионеры Ставрополя, ежедневно ездящие на свои пригородные дачные участки, не дождались дачных автобусов. На их звонки в транспортное управление был дан ответ, что автобусов не будет, потому как «нет солярки, да и шоферам платить не хотят». В ответ пенсионеры перекрыли два основных подъезда к железнодорожному вокзалу Двое водителей на своих маршрутках пытались протаранить заслон, но им этого не удалось. Одному из пенсионеров маршрутка раздавила сумку с провизией и ушибла локоть. Одному из водителей пенсионеры разбили губу. Прибывшая милиция пыталась уговорить пенсионеров разойтись, но те отказались. в конце концов в 12.00 прибыли требуемые автобусы (перекрытие началось в 8.00). после чего дачники смогли отправиться на свои участки.

19 августа несанкционированный митинг, с последующим перекрытием перекрестка провели жители дома № 90 по ул. Морозова. Причиной перекрытия стала стройка рядом с домом, начатая фирмой «Эвит». После начала стройки стали разрушаться стены и трескаться стекла в соседних домах. На жалобы в прокуратуру жители получали ответ «Будут трупы - будет и дело».

Пострадавшие от перекрытия реагировали по-разному. Кто-то возмущался, кто-то, напротив, сочувствовал и даже поддерживал). Некоторые водители пытались проехать напролом, давя блокирующих. В конце концов, после того, как было остановлено движение пятнадцати троллейбусов, на место акции прибыли чиновники. Они пообещали во всем разобраться и попросили людей показать им стройку. В результате, все пошли к котлованам, и перекрытие движение закончилось само собой. Были ли приняты какие-то меры или людей в очередной раз накормили обещаниями, редакции неизвестно.

Соб.Инф.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ФРАНЦИЯ: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Франция не зря считается центром классовой борьбы в Европе. В справедливости этого все могли убедиться весной и летом 2003 года. В прошлом году после того, как «левые» и «ультралевые» реформисты (включая и некоторых «анархистов» и «синдикалистов») подержали на выборах президента Ширака – чтобы не допустить победы крайне правого Лё Пена, – к власти пришло правое правительство. Оно усилило наступление на социальные завоевания французских трудящихся. Не то, чтобы правые стали делать что-то совершенно новое, чего не делала предыдущая коалиция социалистов, «коммунистов» и «зеленых». Просто они поступают более открыто и цинично. А значит, подставляются.

Уже в прошлом году были приняты драконовские законы о безопасности, которые предусматривали ужесточение наказания за различные акты сопротивления. А в 2003 году можно было приступить уже к «непопулярным, но необходимым реформам» – прежде всего, в пенсионной системе и в области образования. Ссылаясь на увеличение числа пенсионеров, власти собираются повысить возраст выхода на пенсию, увеличить взносы трудящихся в пенсионные фонды, а также приватизировать пенсионную систему. Последнее означает, что суммы будущих пенсий могут вкладываться в различные биржевые и прочие спекулятивные операции; иными словами, если вам не повезет, вы можете вообще остаться без пенсии. Все равно, что в казино ее проиграют!

Что касается образования, то здесь предполагается урезать финансирование учебных заведений из государственного бюджета и передать его в ведение местных властей, имеющих, конечно же, гораздо меньше денег. Все остальное прилагается: снижение заработков и социальных льгот для многих работников сферы образования, особенно технического персонала школ, колледжей и техникумов, увеличение платы за поступление в вузы, наконец, широкое привлечение частного бизнеса к управлению университетами.

Парадокс заключается в том, что в России такие меры и даже шуточки похлеще удаются властям, что называется, без сучка, без задоринки, потому что население молчит и терпит все, что бы с ним ни сделали. Ну что ж, пусть нам будет стыдно! Французские «братья и сестры по классу» - нам живой укор. Потому что они молчать не собираются.

В марте 2003 г. в Бордо, где реформа образования вводится уже сейчас в порядке «эксперимента», начались протесты. Забастовки и многотысячные марши охватили различные районы Франции. Особенно упорный характер они приобрели в департаментах Атлантические Пиренеи и Ло-и-Гаронна, но происходили и в других местах, особенно после возвращения работников образования и учащихся с пасхальных каникул. Ежедневно в бастующих учреждениях трудящиеся собирались на общие собрания («генеральные ассамблеи») для обсуждения действий на местах. Каждую неделю делегаты с мест собирались на «секторальные» ассамблеи. Для координации борьбы на уровне департамента собирались департаментские ассамблеи. Повсюду проводились встречи с родителями учащихся и жителями, на которых разъяснялись цели протестов. Любые мероприятия - от пикников до официальных праздников - использовались для того, чтобы привлечь внимание общества. Стачка распространялась снизу, и каждый участник забастовки проявлял активность. В некоторых местах к захвату и оккупации школы или колледжа присоединялись и родители учеников. Школы возобновляли работать на основе подобного «общественного управления». Забастовки организовывались очень изощренно, перекатываясь от учреждения к учреждению, но парализуя тем самым всю отрасль.

Делегации бастующих отправлялись на различные предприятия своего района, чтобы завязать контакты с рабочими и обсудить с ними расширение движения. Повсюду проводились совместные собрания. В воздухе запахло всеобщей стачкой!

Она, вероятнее всего, и произошла бы. Если бы не... профсоюзы. Лучший способ погубить дело – это возглавить его. Профбоссы всех направлений – поодиночке или вместе - скоренько взяли на себя организацию секторальных и департаментских ассамблей. Чтобы взять движение под контроль и удержать его в «ответственных» рамках. Они предпочли бы ограничиться неэффективными, но шумными «днями действий». Профсоюзники не допускали обсуждения на собраниях предложения, идущие снизу, отвергали любые попытки сделать ассамблеи работающим и суверенным органом борьбы.

К чести французских трудящихся, такая операция удалась далеко не везде и не сразу. Так, в Беарне (По и окрестностях) департаментская ассамблея состояла из сотни делегатов из местных образовательных учреждений и собиралась ежедневно. Актив-

ную роль в обеспечении такого хода борьбы играли анархо-синдикалисты из НКТ, французской секции МАТ. Информация и призывы к действиям распространялись не через каналы бюрократических профсоюзов, а непосредственно, самими людьми. Координации местных ассамблей возникли и в некоторых других департаментах, и там профсоюзники могли выступать на собраниях на тех же основаниях, что и все остальные. Кроме того, на местах действовали отдельные автономные коллективы. Например, в Авиньоне и северной части департамента Воклюз 20-30 учреждений объединились в союз, собиравшийся по несколько раз в неделю и боровшийся независимо от профсоюзов.

В апреле, мае и июне 2003 г. к протестам работников образования прибавились и более широкие по размаху выступления против пенсионной реформы. Власти приняли решение увеличить на 5 лет возраст выхода на пенсию, повысить пенсионные взносы работников и увеличить минимальный стаж платежей в счет будущих пенсий. И это только первый шаг. В будущем правительство собирается приватизировать пенсионную сферу и дать «зеленый свет» частным пенсионным фондам, которые получат полную возможность спекулировать будущими пенсиями на бирже. Нечто подобное, как известно, собираются сделать и в России. Вот только у нас некому сказать: «Люди! Вы же не хотите, чтобы ваши пенсии проиграли в казино! А проиграть на бирже – лучше?».

Французские трудящиеся сочли, что не лучше и что не в меру разошедшимся реформаторам стоит дать по рукам. То здесь, то там бастовали транспорт, железные дороги, те или иные учреждения и службы госсектора; железные дороги и аэропорты работали с перебоями. В течении мая и июня все основные города Франции пережили массовые манифестации, на которые выходили десятки, сотни тысяч и даже миллионы людей. 10 июня центр Парижа стал свидетелем баррикадных боев между народом и жандармерией. Казалось, еще немного - и повторятся события 1995 года, когда солидарные действия рабочих, служащих и учащихся заставили авторов предыдущей пенсионной реформы отступить. Но на сей раз профбоссы всех оттенков сделали все, чтобы протесты ограничились маршами и не вылились во всеобщую забастовку – единственное, чего на самом деле боится Система.

Анархо-синдикалисты призывали к всеобщей стачке. В Тулузе члены НКТ – МАТ участвовали в генеральных ассамблеях и маршах протеста, распространили тысячи листовок, объясняя свою позицию. 27 мая они вместе с другими анархистами образовали отдельную колонну в ходе манифестации. Над шествием развевались десятки черных и черно-красных знамен; снова раздавались листовки, клеились наклейки. К анархистам присоединялись не только члены и сторонники либертарных организаций, но и бастующие работники образования, почтовики, исследователи, археологи, рабочие частного сектора. 300 человек скандировали: «Всеобщая стачка против капитала!». 5 июня в Тулузе проводился «день борьбы». Генеральные ассамблеи бастующих трудящихся решили осуществить блокаду города и полностью остановить в нем жизнь, организовав пикеты во всех ключевых пунктах. Накануне ночью предприниматели и созданные ими из частных охранников банды (предвестники будущих «эскадронов смерти»?) совершили нападения на помещения НКТ-МАТ и ряда других рабочих организаций. Но рабочие не испугались. День действий прошел, как было намечено!

Профсоюзные вожди собирались свернуть протесты в конце мая. Гнев снизу продлил их еще на месяц. В июле, когда начались летние отпуска, профбоссы, наконец, совладали со своими непокорными членами. Однако те пообещали, что в сентябре вновь вернутся на улицы. Предстоит ли тогда новый социальный взрыв или развернется партизанская война – саботаж производства, - спрашивал бюллетень «Эшанж», – или и то и другое одновременно?

Работники образования продолжают борьбу. В июне, когда наступило время экзаменационной сессии, они применили новые формы борьбы, проигнорировав запреты со стороны профсоюзов. В Тулузе, Авиньоне, Руане и Бельфоре сотни протестующих блокировали входы в университеты и лицеи; при попытке полиции очистить доступ к зданиям произошли столкновения. Во многих других учебных заведениях преподаватели пошли на шаг, бросающий открытый вызов существующей системе образования с ее иерархией, разделением на «способных» и «неспособных», то есть адаптированных и «неудачников». В духе равенства они постановили не ставить на экзаменах оценки, ниже нашей «4». Так они и делали.

Сопротивление во Франции не закончено. Осенью, когда летние каникулы закончатся, ожидаются новые протесты. Ведь тот, кто не борется, тот уже проиграл.

В.Граевский

ГОРНЯКИ УСТРОИЛИ БИТВУ В ВАРШАВЕ

Несколько десятков раненых полицейских, разрушенный фасад Министерства экономики...

Горящие тряпки, бутылки и сосуды с горючим падали на спины полицейских. В связи с этим президент города Варшавы Лех Качиньский запретил протест.

Протест горняков, требующих сохранения рабочих мест, быстро перерос вчера в битву с полицией. Ранены были несколько десятков полицейских, восьмерым из них была оказана помощь в госпитале. Горняки разрушили фасад Министерства экономики. «Мы разнесем всю Варшаву», – кричали они.

Демонстрация должна была иметь мирный характер. На нее приехало несколько тысяч горняков, вооруженных черенками кирок и лопат, ломами, колючей проволокой (...).

В штаб-квартире (правящего, – прим.) Союза левых демократов (СЛД) около улицы Розбрат в ожидании манифестантов в каждой комнате дежурил человек с огнетушителем. Однако горняки обошлись с ней сравнительно мягко. Они забросали ее яйцами, помидорами и мешками с каменной пылью. От мощных петард лопнули стекла у входа. Шесть тысяч человек, по данным полиции (15 тысяч, по оценкам членов профсоюзов), прошли мимо резиденции партии, проклиная ее и угрожая ей кулаками.

Перед полуднем шахтерская демонстрация достигла площади Трех крестов. Когда передние ряды манифестантов уткнулись в фронтон Министерства экономики, с улицы Ксёнзечей подоспели новые силы рабочих, размахивавших флагами своих профцентров. Слышалось скандирование: «Злодеи!». Выли сирены, звучали свистки, взрывались петарды. Подступы к Министерству от нескольких тысяч демонстрантов охранял двойной кордон одетых в панцири полицейских за металлическими барьерами.

Демонстранты опрокинули стальные барьеры и обрушились на полицейских. Рабочие били деревянными рукоятками, проламывали пластиковые щиты и каски, бросали камнями, которые выворотили из тротуара, повыбивали окна на трех этажах. Кроме камней, в полицейских полетели бутылки с

бензином. Несколько полицейских начали гореть, у одного горели плечи – он отбежал в сторону (...). В этот момент городские власти приняли решение о разгоне демонстрации.

«Кое-кто приехал сюда с намерением разгромить Варшаву. По сигналу «В атаку» все разлилось и пошло стихийно», – заявил после демонстрации заместитель председателя Профсоюза горняков (главного организатора демонстрации) Вацлав Черкавский. Он объяснял, что не мог ничего сделать, потому что «удар последовал внезапно».

«Просим разойтись, демонстрация была объявлена незаконной», – взывали через мегафоны полицейские. Организаторы протеста призывали одуматься. Полиция попробовала разогнать собравшихся струями воды с бронированных машин-водометов, которые подъехали к министерству с двух сторон. Но рабочие не только не отступили, но впали в безумство. Несколько человек ринулись к водометам (...), выбили в них стекла, пробовали выломать кабины. Затем полицейская машина-водомет начала опрокидываться под натиском нескольких десятков рослых мужчин. Горняки раскачали и повалили тяжелую машину, ее шофер в последнюю минуту успел бежать.

После полуденных столкновений полиция приступила к (...) действиям, пытаясь навести порядок с помощью снарядов со слезоточивым газом. Некоторые рабочие укрылись в соборе святого Александра, утирали слезящиеся глаза и грозили, что битва не закончена.

Шесть тысяч трудящихся – горняков двинулись к канцелярии председателя Совета министров на Алеях Уяздовских. Канцелярию защищали несколько сотен полицейских, вооруженных дубинками и щитами. Перед ними был выставлен двойной ряд стальных барьеров. Когда горняки подошли к зданию, организаторы не смогли даже провести митинг или передать требования. Стремительно стекавшиеся манифестанты разобрали заграждения первого ряда, стали швырять камнями, сумками с каменной пылью, яйцами. Началась очередная битва с полицейскими. Сбоку пылал джутовый мешок с надписью «СЛД».

«Было много раненых, восемь полицейских получили раны рук и ног», – сообщила после демонстрации Эльжбета Даневска из Комендатуры столичной полиции. В 14.15 большинство демонстрантов после уговоров организаторов и переданных через мегафоны призывов разойтись направилась к автобусам, стоявшим перед павильоном на Торваже. Другие, наиболее агрессивные группы горняков из профсоюза «Контра» полиция отогнала петардами со слезоточивым газом. Около 200 членов профсоюзов отправились за поворот по направлению ко дворцу «На Роздрозу». Там они спустились по лестницам к автобусной станции на Лазенковской трассе – одной из главных транспортных артерий столицы. Они блокировали шоссе в обоих направлениях. Молча они били бронированными стальными прутами, лопатами и палками в стальные заграждения на середине трассы. Через 20 минут они неохотно направились к павильону на Торваже, где их ждали автобусы. Но и там далеко не все решились на отъезд. Они еще раз схватились с полицией и, разгоряченные, убеждали коллег возвратиться в город. «Ну что, отступаете, боитесь? Надо продолжать бороться за свои требования», – раздавались крики среди автобусов на улице Лазенковской.

«В ходе нескольких встреч организаторы заверяли нас, что манифестация будет мирной», – сетовал представитель полицейского штаба Тадеуш Вавер. Подобные заверения получила и заместитель районного коменданта полиции в Сродмесцье (Центре города), комиссар Кристина Ножевска.

«Мы предупреждали, что может дойти до волнений. Мы говорили об этом полиции. Люди в состоянии отчаяния, они уже две недели бастуют на шахтах. Еще в среду 13 профцентров горняков уверяли, что протест будет мирным», – подтвердил заместитель председателя профсоюза горняков Черкавский.

«Мы были участниками, а не организаторами. Ситуация вышла из-под контроля, но мы пытались успокоить людей, – признал председатель Силезско-Домбровской региональной организации «Солидарности» Пётр Дуда.

Столичные полицейские арестовали нескольких манифестантов. Полагают, что после изучения записей будут произведены новые аресты.

Вчерашняя манифестация была проведена в защиту четырех закрываемых шахт: "Центр Шомберский», «Розбарк», «Болеслав Смелый» и «Польска Вирек». «Мы не хотим ликвидации этих шахт и рабочих мест в горном деле», – заявил Дуда.

«Мы с самого начала знали, что демонстрация закончится столкновениями. Мы запретили ее после того, как горняки использовали «коктейли Молотова». После таких событий мы готовим проект ужесточения существующих правил проведения собраний. Подсчет ущерба продолжается», – сообщил газете вчера вечером президент Варшавы Лех Качиньский.

ПОСЛЕ МАНИФЕСТАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ ГОРНЯКОВ В ВАРШАВЕ

14 серьезно раненых полицейских проходят курс лечения в госпиталях после демонстрации профсоюзов горняков в четверг в Варшаве. Министр внутренних дел и администрации Кшиштоф Яник издал распоряжение о временном запрете на проведение демонстраций в столице. Горняки требуют отставки вице-премьера Ежи Хаузнера.

В ходе демонстрации 13 профцентров горняков в Варшаве в четверг – демонстрации, которая переросла в неконтролируемые столкновения – было ранено 22 демонстранта-шахтера. Ущерб оценивается в 200 тысяч злотых. «К врачу обратился также 61 полицейский, 14 из них все еще лежат в госпиталях: 7 – в хирургических отделениях, 6 – в ортопедии и 1 – в нейрохирургии. Они останутся в госпиталях от нескольких дней до нескольких десятков дней», – заявил министр Яник. (...) Яник весьма резко критиковал организаторов демонстрации. (...) По мнению же организаторов, на ход демонстрации оказала влияние позиция правительства. Они требуют отставки министра экономики, труда и социальных дел Ежи Хаузнера и заместителя министра Яцека Пехоты. «Эти министры не ведут диалог с обществом, никакие аргументы до них не доходят, – комментировал заместитель председателя Профсоюза горняков в Польше Вацлав Черкавский. – Мы предостерегали, что настроения радикализируются и ситуация может выйти из-под контроля». (...)

Демонстранты разгромили фасады штаб-квартиры СЛД на ул. Розбрат, Министерства экономики и Канцелярии премьер-министра. (...) Полиция потеряла 5 машин, 87 дубинок, 60 боевых униформ и 52 каски (...).

ГОРНЯКИ НЕ ВЕРЯТ В ЗАВЕРЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Заверения правительства, что горняки не потеряют работу, а долги шахт будут заморожены, выглядят привлекательно. Но демонстрация в четверг показала, что горняки не верят этим заверениям. Причина этого, со всей очевидностью, – крайнее недовольство реформированием отрасли. Это используют чрезвычайно мощные профсоюзы (...). (***А представьте себе, что на ме-***

сте профбоссов были бы революционные рабочие союзы! – прим. ред.)

Совершенно ясно, что правительство СЛД потеряло два года в деле дальнейшего реформирования отрасли. (...) Но даже от несмело сделанных предложений в этом направлении оно отступило под напором протестов. В декабре минувшего года, когда было подписано соглашение с рабочими, оккупировавшими предприятие «ПАРГ», проведение реформы было отложено в ожидании доклада, который предстояло разработать группе экспертов. (...)

В горном деле в профсоюзах состоит наибольший процент рабочих. Более 86% горняков принадлежат к 29 профсоюзам. Есть даже шахты, где в профсоюзах числятся... 110% работников, потому что некоторые из них входят в несколько профсоюзов одновременно. (...) Члены профсоюзов постоянно заявляют, что в Силезии идет уничтожение рабочих мест. (...) Правительство все это время успокаивало настроения, утверждая, что не существует секретного списка ликвидации шахт, но члены профсоюзов в это не верили. Создание «Угольной компании» не могло решить проблему растущих долгов. (...) Сейчас стало известно, что вся эта правовая конструкция не имела смысла, и правительство предложило ликвидировать разрезы, задолжавшие компании, а также заморозить гигантские долги на сумму в 18 млрд. злотых. Если добавить к этому 3 млрд. злотых, которые правительство планирует выделить на вспомогательные реформы в течение ближайших трех лет, и 800 млн. злотых, дополнительно выделяемых в фонд компании, можно было бы счесть предложение выгодным. (...) Однако горняки не верят заверениям правительства и не хотят верить, потому что в принципе опасаются перемен. К тому же, 81% из них имеют незаконченное среднее или профессиональное образование и совершенно не готовы сменить профессию. (...) Предыдущая реформа предлагала шахтерам, готовым оставить шахту, разовую компенсацию в 50 тыс. злотых. Тогда казалось, что многие склонны к переменам и уходили добровольно. (...) Но только 56% из ушедших смогли найти работу или заняться какой-либо самостоятельной деятельностью. Горняки, которым сегодня говорят о ликвидации шахт, знают (...), что их коллегам пришлось искать работу в среднем не менее полутора лет, и только небольшая их часть (22%) сумела сделать это быстрее.

Ни одно правительство Польши с начала 1990-х гг. не смогло справиться с острыми проблемами угольной отрасли, признала в своем комментарии 12 сентября буржуазная газета «Жечьпосполита». Никто не рискнул пойти на широкое закрытие и приватизацию шахт. «Дальше всего, – пишет газета, – пошло правительство «Солидарности», которое... значительно сократило добычу угля, но и ему не удалось провести до конца... реформы и, прежде всего, приватизацию шахт». «Боязливость правительств объясняется страхом перед силой» шахтеров, полных решимости вести борьбу за свои рабочие места и готовых прибегать к радикальным протестам. «Мало правдоподобно, чтобы правительство СЛД смогло противостоять этой силе», – замечает газета. Нам кажется, что в этих строках и содержится главный урок нынешнего бунта польских шахтеров. Только прямое действие солидарных трудящихся, освободившихся от контроля со стороны трусливых профбоссов, поможет нам спастись от рыночного беспредела. И горе народу, которого правительство не боится!

Читайте про стихийный протест польских шахтеров и пусть вам будет стыдно за то, что вы сидите по домам и уткнулись в ваши телевизоры. Читайте и завидуйте!!!

По материалам прессы

ПОБЕДА!

После 134 дней борьбы закончилась победой забастовка мусорщиков, организованная Национальной Конфедерацией Трудящихся – Испанской секцией М.А.Т. в городе Томаросе под Валенсией. Это беспримерное по упорству в современной испанииработчее выступление сопровождалось многочисленными акциями (включая марши протеста, пикеты, голодовки и захваты зданий) и получило поддержку со стороны всей Конфедерации .

По информации М.А.Т.

БЮЛЛЕТЕНЬ ИЗДАЕТСЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗОМ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (МПСТ) ПРИ СОДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ОБЪЕДИНЕНИЯ «РОСТСЕЛЬМАШ» (РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Адрес МПСТ: 117485 Москва, а/я 34

Электронный адрес: mpst@mail.ru

Страничка в Интернете: http://mpst.tsx.org

Адрес Рабочего комитета «Ростсельмаш»:

344091, Ростов-на-Дону, а/я 1173